

УДК 808.5:811.161.1+81'276.6:34

**ФОКУСНАЯ АНАФОРА В ТЕКСТАХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ:
КОММУНИКАТИВНО-ОРТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

А. Ю. Арышева, П. А. Катыхев

**FOCUS ANAPHORA IN JUDGMENT TEXTS:
COMMUNICATIVE AND ORTHOLOGICAL ASPECT**

A. Yu. Arysheva, P. A. Katyshev

Статья посвящена рассмотрению особенностей употребления повторных номинаций в текстах судебных решений по гражданским делам. Особое внимание обращается на использование повторных местоименных номинаций. Повторные номинации трактуются в аспекте фокусной (дискурсивной) анафоры, т. е. как концептуализации точки референции. Через точку референции впервые вводится в текст информация об элементе, в дальнейшем подлежащем повторной номинации. Авторы рассматривают зависимость использования повторных номинаций от композиционной структуры судебного решения, формулируют предложения по оптимальному употреблению повторных номинаций истца и ответчика в изучаемых текстах.

The article focuses on the features of repeat nominations in the texts of judgments in civil cases. Particular attention is drawn to the repeated use of the pronominal nominations. Repeat nominations are treated in the aspect of focus (discourse) anaphora, that is, as conceptualizations of a reference point. The reference point introduces the information about the item that would be re-nominated further in the text. The authors examine the dependence of repeat nominations use on the judgment composite structure and formulate suggestions for the optimal use of repeat nominations of the plaintiff and the defendant in the studied texts.

Ключевые слова: фокусная анафора, повторные номинации, конвенциональное общение, судебное решение.

Keywords: focus anaphora, repeat nominations, conventional communication, judgment.

Употребление повторных местоимений в текстах судебных решений может быть осмыслено с точки зрения двух важных областей современного языкознания – юридической и коммуникативной лингвистики. При этом следует иметь в виду, что судебная коммуникация, будучи разновидностью институциональной коммуникации, продолжает оставаться во многом нерегламентированной, несмотря на преобладающие в ней тенденции стандартизации, унификации и повышения конвенциональности [2]. С этой позиции употребление повторных (особенно – местоименных) номинаций может показаться нежелательным. Но это только односторонний взгляд на проблему, которая требует комплексного рассмотрения.

Текст судебного решения имеет жесткую композиционную структуру; каждая часть этой структуры характеризуется определенным содержанием. Поэтому представляется важным рассмотрение взаимосвязи употребления повторных номинаций и композиционной структуры решения, соотношения первичных и вторичных номинаций в аспекте понимания судебной коммуникации как конвенционального процесса. Поиск взаимосвязи между особенностями композиционной структуры и употреблением повторных номинаций предполагает введение понятия *фокусной анафоры*.

Феномен анафоры изучался в лингвистике несколькими путями. Отечественное языкознание исследовало анафору с позиций теории референции и затрагивало её местоименную или именную разновидности (Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Радзиевская, О. Ю. Богуславская, И. А. Муравьева, Е. Д. Фатеева и др.). Большая часть зарубежных исследований

по анафоре разработана под влиянием идей Н. Хомского, изложенных в книге «Лекции об управлении и связывании». Отдельное направление представляют психолингвистические исследования, направленные на выявление и описание текстовых и когнитивных факторов, оказывающих влияние на функционирование анафоры, а также механизмов ввода анафоры в текст сообщения и ее декодирования адресатом (Т. Гивон, А. А. Кибрик, О. В. Федотова и др.).

Понятие «фокусная анафора» (дискурсивная анафора) появляется в 1970-х годах на фоне перехода лингвистики от рассмотрения отдельно взятого предложения к проблемам связного текста и к прагматике дискурса. Оно активно разрабатывается А. А. Кибриком, который определяет сущность фокусной анафоры тем, что есть «два вида промежуточных объектов, через которые анафорический элемент связывается со своим референтом, – синтаксический антецедент, ко-референтный анафорическому элементу, и фокус внимания» адресанта и адресата [1, с. 189]. Таким образом, понятие «фокусная анафора» заключается в том, что в текст может быть введена информация, значительно отдаленная от антецедента, либо сам сегмент текста, содержащий эту информацию, может быть очень велик и нечетко вербализован. Анафорический элемент удерживает эту информацию об антецеденте в фокусе внимания адресата текста.

Ключевыми категориями для раскрытия сущности процесса фокусной анафоры становятся понятия антецедента, анафорического выражения и анафора. Отметим, что понятия «фокусная анафора» и «анафора» не тождественны друг другу: понятие «фокусная анафора» значительно шире понятия анафора, и их

отношения между собой можно определить как отношения целого (фокусная анафора) и части этого целого (анафóр). О. Ю. Богуславская и И. А. Муравьева дают следующее определение antecedенту: «antecedent – номинат X, свойства которого говорящий имеет в виду, строя анафорическую номинацию для Y» [3, с. 81]. Под номинатом исследователи понимают «представление говорящего о фрагменте ситуации, для которой производится вербализация» [3, с. 81]. Механизм процесса анафорической номинации отражается в данном указанными выше лингвистами определении понятия «анафор» – «номинат Y имеет в качестве вербального коррелята отсылочную номинацию N(Y), в состав которой входит анафорическое средство» [3, с. 84]. В приведенном определении актуализуется такой способ вербализации, как отсылочная номинация, при которой «языковые выражения имеют в своем составе специальное лексическое средство, маркирующее отсылочный характер языкового высказывания в целом (или состоят только из этого средства). Эти языковые высказывания называются анафорическими» [3, с. 83]. Отсылочная номинация связана с понятием повторной номинации, в то время как с первичной номинацией связана прямая номинация, согласно которой «номинат Y обладает набором свойств, присущих, с точки зрения говорящего, и номинату X. Подразумеваемая прямая номинация N(Y) содержит вербальный коррелят этих свойств» [3, с. 104].

О. В. Федорова в работе «Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка)» раскрывает позицию Т. Гивона, согласно которой «текст представляется в виде сети связанных между собой узлов, каждому узлу приблизительно соответствует одна предикация» [3]. Эти связи могут иметь две направленности – анафорическую и катафорическую. Катафорическое связывание узлов сопровождается открытием или закрытием (активацией или дезактивацией) узлов для встраивания новой информации. При анафорическом связывании происходит поиск по нахождению референта в эпизодической памяти. Референт может существовать в тексте в виде точки референции, которую исследователь определяет следующим образом, ссылаясь на Р. Лангакера: «такая концептуализация, которая используется потом для доступа к другим концептуализациям» [там же]. В связи с этим текст можно разделить на два фокуса внимания – глобальный фокус (гипертему) и локальный фокус (топик). В глобальном фокусе, или гипертеме, текста будет находиться тот референт, который будет существовать в виде точки референции, а в локальном фокусе – относящиеся к ней (точке референции) концептуализации. Если связывать это с представленным выше пониманием фокусной анафоры А. А. Кибрика, то точкой референции будет являться antecedent. «Другие» концептуализации в трактовках разных лингвистов могут иметь различные классификации. Так, К. И. Казенин и Я. Г. Тестелец под словами, которые могут иметь antecedent, подразумевают три следующих группы: анафоры (возвратные местоимения и взаим-

ное местоимение друг друга), прономиналы (личные местоимения), R-выражения (референциальные выражения – имена, прямо называющие предмет в окружающем мире) [4, с. 82 – 84]. В этой классификации для нас представляются важными понятия прономиналов и референциальных выражений, так как именно эти виды концептуализаций преобладают в текстах судебных решений. О. Ю. Богуславская и И. А. Муравьева разграничивают слова, которые могут иметь antecedent по другому основанию – по тому, какая значимая для номинации характеристика референта актуализируется в процессе номинации. Упомянутые лингвисты используют термин «анафорическое выражение», аналогичный в нашем представлении понятию «другие концептуализации» Р. Лангакера. Для описания грамматических особенностей анафорического выражения они вводят понятие «анафорическое средство», которое может включать местоимения, усилительные слова и частицы. Само понятие «анафор» в их концепции обозначает тот вид номината, который участвует в процессе вторичной номинации. Их классификация содержит следующие виды анафорических выражения: объектные анафорические выражение (анафор – объект), ситуативные (анафор – ситуация в целом, мыслимая как факт), локативные (анафор – локализация некоторого события), темпоральные (анафор – временная характеристика некоторого события), причинные (анафор – причина некоторого события), целевые (анафор – цель некоторого события), атрибутивные (анафор – свойство некоторого объекта), нумеративные (анафор – количество некоторых объектов), предикативные (анафор – действие или состояние) [3, с. 100 – 101]. В нашем исследовании мы рассматриваем функционирование объектных анафорических выражений, хотя текст судебного решения, конечно, содержит и иные виды выражений, в зависимости от того, с каким antecedentом они связаны.

Обратимся к тексту судебного решения (в исследовании использовались судебные решения только по гражданским делам):

Истец обратился в суд с иском к ответчикам о восстановлении на работе, взыскании денежного довольствия за дни вынужденного прогула.

Свои требования мотивирует тем, что он состоял в трудовых отношениях с ответчиками с 25.12.2005 года по 17.10.2009 года. 17.10.2009 года он был уволен из органов внутренних дел по п. «а» ч. 7 ст. 19 Закона РФ «О милиции» на основании рапорта об увольнении, поданного Плюсниным Д. Л. 16.10.2009 года на имя работодателя. Считает свое увольнение незаконным в связи с тем, что работодатель вынудил его написать данное заявление об увольнении по собственному желанию, угрожая увольнением по инициативе работодателя. Добровольного волеизъявления истца на прекращение трудовых отношений не было. Кроме того, считает, что при увольнении работодателем был нарушен порядок увольнения, предусмотренный «Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации». Просит суд восстановить его на прежнем месте работы в

прежней должности с 17.10.2009 года, взыскать в его пользу денежное довольствие за дни вынужденного прогула.

Приведенный отрывок взят из описательной части судебного решения, которой предшествовала вводная часть. Во вводной части истец и ответчики названы именами собственными: истец – *Плюснин Д. Л.*, ответчики – *Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел по г. Кемерово и Управление вневедомственной охраны при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области*. Эти номинации в тексте будут являться точками референции (антецедентами), находящимися во вводной части решения. В описательной и мотивировочной частях будут представлены концептуализации этих референтов. В приведенном отрывке таковыми для референта *Плюснин Д. Л.* будут являться номинации *истец, он, его*, а также формы глаголов третьего лица единственного числа – *мотивирует, считает, просит*, а для референта *Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел по г. Кемерово и Управление вневедомственной охраны при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области* – номинации *ответчики и работодатель*.

Возможна трактовка упомянутых случаев употребления глаголов третьего лица единственного числа как коммуникативно неудачных, так как они могут соотноситься в тексте с разными субъектами действия, из-за чего нарушается точность и связность текста. Но в приведенном примере этого не происходит по нескольким причинам. Глаголы третьего лица единственного числа могут относиться только к антецеденту *Плюснин Д. Л.*, так как другой антецедент (*Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел по г. Кемерово и Управление вневедомственной охраны при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области*) изначально представлен во множественном числе и не только во вводной части, в которой в качестве ответчика заявлены две организации, но и в самом начале описательной части номинацией *ответчики*. Используемая далее концептуализация *работодатель* в таком контексте получает два наполнения. С одной стороны, это собирательное обозначение двух организаций, заявленных в качестве ответчиков (такое конкретное наполнение становится возможным из-за употребляемых вместе с номинацией *работодатель* глаголов и деепричастия *вынудил, был нарушен, угрожая*). С другой стороны, это номинация с абстрактным значением, служащим для обозначения определенного юридического понятия (употребление таких номинаций характерно для мотивировочной части решения). Лексическое значение, сочетаемость глаголов третьего лица единственного числа *мотивирует, считает, просит* указывают на их употребление по отношению к одушевленному существительным. Это также делает невозможным их отнесение к антецедентам *Управление вневедомственной охраны при Управлении внутренних дел по г. Кемерово и Управление вневедомственной охраны при Главном управлении внутренних дел по Кемеровской области*. Частотно употребляемые номинации

местоимения не осложняют понимание текста, так как приведенный отрывок последовательно передает точку зрения истца с минимальным упоминанием другого объекта действия.

В тексте судебного решения точкой референции будут являться имена собственные (фамилия, имя, отчество для физических лиц, название организации как юридического лица), используемые во вводной части решения и определяющие процессуальную позицию субъекта – истец или ответчик. Используемые для повторной номинации анафорические элементы (концептуализации референта) будут разделяться на две группы – это полноценные номинации (по имени собственному, социально-правовому статусу, по роли в судебном процессе, термины родства) и неполноценные номинации, к которым относятся местоименные номинации, а также к этой группе будут примыкать номинации по гендерному признаку, так как в некоторых случаях они тоже будут являться нежелательными из-за нарушения конвенции точности (например, если в судебном разбирательстве и истцом и ответчиком будут являться женщины, номинирование одной из них в тексте *женщина* может создать трудности в понимании, особенно если контекстное окружение в плане номинаций является неудачным). В аспекте фокусной анафоры, когда за определенным именем собственным закрепляются определенные повторные номинации, которые будут характерны для этого имени собственного во всем тексте или в его конкретной части, никакая из этих групп не будет являться желательной или нежелательной. Характер употребления тех или иных концептуализаций в качестве повторной номинации должен напрямую зависеть от экстралингвистических факторов, то есть от количества участников дела, которые впоследствии будут фигурировать в судебном решении, категории дела, гендерных, социальных и прочих, значимых для номинирования особенностей участников процесса. В приведенном выше отрывке местоименные номинации не нарушали точности и связности текста. В данном случае их употребление является желательным, так как сокращение объема текста осуществляется не в ущерб его смысловой прозрачности, конвенциональные ожидания адресата не нарушаются и адресант выполняет функции своей коммуникативной роли.

Обратимся к другому примеру:

21 февраля 2009 г. у Анны Владимировны родилась дочь, Шестакова Алина Сергеевна. Сразу после рождения ответчица бросила своего ребенка, и они с ее мужем [речь идет о сестре ответчицы, являющейся истцом. – А. А., П. К.] взяли ребенка на воспитание. Они полностью содержат ребенка материально, она оформила опеку над Алиной, взяла отпуск по уходу за ребенком. Родная же мать совершенно не интересуется своей дочерью, она употребляет наркотики, у нее гепатит С, она нигде не работает, живет с гражданским мужем, который также нигде не работает и употребляет наркотики. За все время, что ребенок находится у них, она им ни разу не поинтересовалась.

Здесь употребление местоименных номинаций в качестве анафорических элементов является нежелательным, так как концептуализации разных референтов совпадают, и эпизодическая память адресата не может быстро и безошибочно соотнести местоименные концептуализации с точками референции.

Обратимся еще к одному примеру:

Администрация г. Кемерово обратилась в суд в интересах несовершеннолетнего ребенка – Соколовой Виктории Александровны, 23.04.2004 года рождения, с иском к ответчикам о лишении родительских прав, взыскании алиментов на содержание ребенка.

Свои требования мотивирует тем, что ответчики являются родителями несовершеннолетнего ребенка Соколовой Викторией Александровны, 23.04.2004 года рождения. Ответчики не создают условия для проживания и развития дочери, ребенок часто находится в обстановке, угрожающей его жизни. В квартире, где проживает девочка, антисанитарные условия, в ночь с 10 на 11 марта 2010 года произошел пожар, ребенок чудом остался жив. Ответчица Высоцкая В. В. злоупотребляет спиртными напитками вместе с сожителем Соколовым А. Е., между ними часто происходят скандалы. Девочка часто бывает голодной, постоянно болеет. С 11.04.2010 года девочка находится в МУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних г. Кемерово», куда помещена на основании акта милиции. За все время нахождения девочки в муниципальном учреждении родители не навещали ее ни разу, не привозили подарков.

Поскольку ответчики уклоняются от выполнения обязанностей родителей, оказывают негативное влияние на своего несовершеннолетнего ребенка, администрация города обратилась в суд с настоящими исковыми требованиями, просит лишить Высоцкую В. В. и Соколова А. Е. родительских прав в отношении дочери Соколовой В. А., 23.04.2004 года рождения, взыскать с них алименты на содержание ребенка в размере ¼ части всех видов заработка.

В этом тексте, как и в предшествующем, действует несколько субъектов, разворачивается схожая ситуация действия, однако текст намного легче для понимания. Происходит это за счет грамотно подобранных повторных номинаций. Каждая точка референции имеет свои концептуализации: точка референции администрация г. Кемерово, выступающая в качестве истца, имеет следующие концептуализации – несовершеннолетний ребенок – Соколова Виктория Александровна, дочь, ребенок, девочка, ее, несовершеннолетний ребенок, администрация города плюс глагол в форме третьего лица единственного числа мотивирует (имя девочки будет относиться к референту администрация г. Кемерово, так как этот референт защищает ее интересы); антецедент Высоцкая Вероника Владимировна, Соколов Александр Евгеньевич – ответчики, родители несовершеннолетнего ребенка Соколовой Викторией Александровны, ответчица Высоцкая В. В. с сожителем Соколовым А. Е., родители, Высоцкая В. В. и Соколова А. Е., они (них).

Наборы концептуализаций для каждого референта разные и не пересекаются, местоименные номинации минимальны. Все это в совокупности делает отраженный в тексте процесс номинирования коммуникативно удачным.

Таким образом, можно говорить об особом функционировании фокусной анафоры, о ее направленности на организацию и связывание элементов текста, ответственных за распределение актуальной информации. Это функционирование будет являться коммуникативно удачным при соблюдении определенных условий:

- во-первых, концептуализации (анафорические элементы) разных референтов не должны совпадать;
- во-вторых, характер концептуализаций в тексте судебного решения должен напрямую зависеть от структуры решения.

Вводная и резолютивная части должны содержать номинации только по имени собственному; эти элементы судебного решения строго регламентированы, и используемые в них номинации должны четко совпадать с точкой референции. Точка референции (антецедент) для тем истца и ответчика, находясь во вводной части, должна быть всегда представлена именами собственными. Подобные номинации для данного текста будут являться эталонными номинациями: «информация об антецеденте может быть представлена как совокупный вербальный коррелят X, содержащий помимо собственно номинаций X, также и информацию обо всех упомянутых в тексте ситуациях, в которых участвовал X. Однако для того, чтобы отличить данный номинат X от какого-либо другого, достаточно иметь информацию не обо всем совокупном вербальном корреляте X, а лишь о его части, отражающей наиболее существенные свойства данного номината. Эта часть совокупного вербального коррелята является поисковым образом номината X, его ярлыком в пределах данного текста, иначе – эталонной (для данного текста) номинацией». [3, с. 88 – 89]. Действительно, номинации во вводной части отражают наиболее существенные для данного текста свойства референта – закрепленность за определенным человеком (имя, фамилия, отчество), половую принадлежность (если речь идет о физических лицах), роль в судебном процессе. Например, номинация «по иску Открытого акционерного общества Банк ЗЕНИТ» является эталонной и отражает такие существенные свойства для создания и понимания всех последующих анафорических выражений: роль в судебном процессе – истец (на что указывает словосочетание «по иску», по этой причине входящая в состав номинации), неодушевленный предмет – юридическое лицо, конкретный банк (название) с определенной формой централизации капитала. К этой группе обязательных характеристик могут добавляться и другие свойства, которые в том или ином случае приобретают значимость. Например, в эталонной номинации «в интересах несовершеннолетнего Полянского Даниила Андреевича» к значению закрепленности, роли в судебном процессе и половой принадлежности прибавляется важная характеристика,

отражающая социально-правовой статус, – «несовершеннолетний». Интересно, что в подобных ситуациях роль в судебном процессе выявляется двумя способами:

– во-первых, словосочетанием «в интересах», которому предшествует название того, кто эти интересы представляет,

– во-вторых, субстантивированным прилагательным «несовершеннолетний», значение которого указывает нам на невозможность самостоятельного представления этого человека в суде.

Однако это не является избыточным указанием на один и тот же факт. Последующее за оборотом «в интересах» определение «несовершеннолетний» является своего рода уточняющим по отношению к словосочетанию «в интересах», так как лицо, группа лиц или организация могут выступать в чьих-либо интересах в силу различных причин (например, в силу недееспособности). Мотивировочная часть должна ограничивать набор анафорических элементов за счет упоминания статей закона и сводить их по большей части к обобщенным категориям законов (например, номинации *работодатель, работник, гражданин, родители, ребенок* и прочее). Самой свободной является описательная часть, в которой излагается суть дела. В этой части могут использоваться достаточно развернутые

множества дублирующих номинаций, и именно эта часть решения является средоточием всех концептуализаций, что делает ее наиболее уязвимой в коммуникативном плане. В частности, необоснованно частое употребление повторных местоименных номинаций вследствие их лексической опустошенности может приводить к нарушению конвенции точности и принципа оптимальности, т. е. к логическим погрешностям и неясности в изложении казуса и обстоятельств рассмотрения дела, а также к сложности в восприятии текста. В-третьих, местоименные номинации могут использоваться в качестве концептуализаций только в строго определенных случаях. Например, на небольшом участке текста, в котором речь идет только об одном субъекте действия, предварительно выраженном полнозначной номинацией. Возможно частотное использование номинаций-местоимений там, где такое номинирование является уместным и даже органичным (в частности, если в качестве противоположной стороны по роли в судебном процессе выступает группа лиц, называемая собирательным существительным или существительным во множественном числе, или некая организация, номинируемая по своему названию на протяжении всего текста).

Литература

1. Кибрик, А. А. Типология средств оформления анафорических связей: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Кибрик. – М., 1988. – 365 с.
2. Колтунова, М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения / М. В. Колтунова. – Режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/7563665>
3. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. – М., 1987. – 280 с.
4. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М., 2002. – 480 с.
5. Федорова, О. В. Текстовая анафора: сочетание статистического и когнитивного подходов (на материале цахурского языка) / О. В. Федорова. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/299.htm>

Информация об авторах:

Арышева Анастасия Юрьевна – бакалавр Кемеровского государственного университета, 8-951-607-57-12, frau.arysheva@yandex.ru.

Arysheva Anastasia Jurjevna – bachelor degree student at KemSU.

Катышев Павел Алексеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, 8-905-965-71-11, katpa@rambler.ru.

Katyshev Pavel Alexeevich – Doctor of Philology, Professor at the the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.